

18+ Дарья Лопатина

П Е Р О

Дарья Лопатина

Перо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63830976

ISBN 9785005317445

Аннотация

Блокадный Ленинград – это одно из самых ужасающих событий в истории России XX века. Умирили от ран, болезней, голода. Все перенёвшие этот ужасный период невероятно страдали. Кем же надо было быть в прошлых жизнях и чего такого совершить, чтобы душа воплотилась в жителя Ленинграда периода войны? На все эти вопросы ответит книга «Перо».

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	35
Глава 4	50
Глава 5	62
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Перо Дарья Лопатина

© Дарья Лопатина, 2021

ISBN 978-5-0053-1744-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Посвящается моей бабушке, Поляковой Вере Игнатьевне,
которая никогда не жила в Блокадном Ленинграде, но
страдала не меньше, чем жители этого города.*

Глава 1

Молчание

Арариэль лежала на облаке и глядела вниз, словно заво-роженная, когда к ней подлетел Адимус.

Внезапно услышав его голос, девушка вздрогнула от неожиданности. Она вообще была пугливой.

– А ты знаешь, что люди, которых ты так любишь, думают, что летать на облаках – пошлость, придуманная излишне мечтательными романтиками? – спросил язвительно тот.

Арариэль подняла на него взгляд и молвила своим мелодичным голосом:

– Какая разница, что они думают? Кому-то ведома истинна, кому-то нет. И покуда будет существовать свет, между этими двумя вечно будут споры.

Людин, услышав эти мудрёные речи, удивлённо посмотрел на собеседницу, чуть заметно шевельнув крыльями.

– Ну не скажи, – протянул он, – ведь дознались, что Адам с Евой были изгнаны из Рая не из-за яблока, а из-за персика.

На этот раз удивление высказала Арариэль. Подобные темы были не для обсуждения.

– Шшшш, – зашипела она на друга, Бог услышит!

Действительно, в Раю, где находились наши герои, имена Адама и Евы были до сих пор под запретом. Не то, что бы

Бог на них сердился. Нет. Он любил всех. Быть может, даже слишком. Но слыша о своих первых детях, невероятно огорчался. Печалить такого любящего Отца Сущего не хотелось никому.

– Да ладно тебе, – махнул правым крылом Адимус, который и сам уже понял, что зря ляпнул про первых влюблённых, – куда смотришь? Снова на детей?

И он тоже устремил свой внимательный взор вниз, вглядываясь в происходящее в нижнем мире.

– Ага. Сегодня очень много рожают.

Адимус поджал губы и сдул волосок Араризель, который упал на щёку. Она всё отмахивалась от него, но он предательски возвращался на место.

– И хочется тебе наблюдать за ними... Лежат в непонятных позах женщины, орут, куча крови и вот так часами, а то и сутками страдают. То, что из них выходит, тоже не похоже на ангелочков.

Араризель хихикнула.

– То есть, на нас с тобой? На огромных тётеньку и дяденькой с отростками за спиной?

Адимус обиженно взмахнул обоими крылами.

– Не знаю, что это у тебя, а у меня крылья, а не отростки!

И правда. Они оба были людьми, обитающими в Раю, в месте для добрых людей вне зависимости от религии. Людины совершенно особенные. Такие были когда-то обычными жителями планеты Земля, живущими правильной жиз-

нюю. Помогающими всем вокруг, не поддающиеся злу и пагубным искушениям. Чем большему количеству людей помогали, и не только людям, но и зверям, и даже вещам (у них ведь тоже есть душа и позволить сжечь старый стол, к примеру, это всё-равно, что позволить сжечь старого человека), тем дольше позволялось жить в качестве людина в Раю, и тем больше перьев было в крыльях. А, чем пушистее перья, тем больше дозволялось их обладателю. Ведь в каждом пере скрыта магия. Соответственно, чем больше перьев, тем больше и магии. Некоторым даже разрешалось пользоваться крыльями по прямому назначению и спускаться на землю, что бы проведать людей, послать им весточку.

Арариэль при жизни жила у океана в XVIII веке где-то на Западе и была женой рыбака. В голод отдавала то немногое, что удавалось поймать, другим, за что не раз была бита мужем. Зато после смерти, наступившей от голода, ей было восполнено сторицей. Она была бы была прекрасна до боли и при жизни – голубые глаза, белая кожа, золотистые волосы, стройная фигура. Но общее впечатление портили совершенно неправильные черты лица. Длинный нос с горбинкой, слишком пухлые щёки, а прекрасные своей голубизной глаза немного косили. Теперь, когда она стала людиной, все черты выпрямились, приобрели идеальный и гармоничный вид. Кроме того, от людины исходили волны энергии и сама она словно светилась. Ей позволено было наслаждаться райскими благами 300 лет. 200 уже минуло. Осталось все-

го 100 и она с тоской думала, что скоро снова придётся вернуться на землю. И пусть знала, что в награду за доброту жизнь будет сытой и приятной, с Раем расставаться совсем не хотелось.

Адимус представлял собой противоположное зрелище. Это был коренастый мужчина с чёрными волосами и такими же чёрными глазами. Кожа его была загорелой, смуглой. Когда-то жил в Древней Греции. Спасал не только жизни, укрывая гонимых и невинных людей, но ещё и души, проповедуя жить по законам совести и осуждая смертные казни. За что и сам был казнён через принятие яда. За это ему было разрешено прожить в Раю тысячелетие.

Имена у них были не такие, как при жизни. Людин нарекали в честь ангелов. Арариэль назвали по имени ангела океана, покровительствующих рыбакам, из-за её прошлой жизни. А Адимуса в честь ангела, считающегося произошедшим от самого первого человека, так как при жизни любил рассуждать об Адаме и Еве.

Обычно людины не особо часто между собой пересекались. На то это был и Рай. Там каждому отдавалось то, чего он желал более всего. Арариэль, например, которая много голодала при жизни, теперь могла есть вдоволь. Всё, что душе (и желудку) угодно, было в её распоряжении. Стоило только подумать о той или иной еде и она тут же возникала. Как правило, людины были вполне довольны, чтобы желать с кем-то общения, но порой возникало и такое желание.

И тогда появлялась возможность увидаться с кем-то ещё, что бы развеять ощущение одиночества.

– Да ладно тебе, не обижайся, – мелодично захихикала Арариэль, – ты же знаешь – я шучу.

Но Адимус предпочитал продолжать играть в свою игру.

– А я нет, – надулся пуще прежнего он, – ну что ты в этих детях находишь?! Некрасивые, красные, сморщенные. Вопят круглыми сутками, а уж сколько раз в день в туалет ходят, не сосчитать. Бедные родители и как только успевают пелёнки грязные...

Но договорить он не успел. Подруга тяжело вздохнула:

– Ах, Ади, тебе не понять. Ты – мужчина. А вот я могу смотреть на них целую вечность. Они так прекрасны! У них вся жизнь впереди. Полная событий и эмоций. Это же чудо Господне!

Её собеседник пожал плечами, не желая вступать в полемику.

– Да, мир его на чудеса богат, тем и волшебен, – согласно кивнул Ади. – Ты лучше скажи, почему на облаке лежишь. Это так... по человечески.

Людина улыбнулась этой мысли.

– Тут удобно! Оно пушистое и приятно пахнет карамельной ватой! У человечества не такие уж и плохие мечты.

Философ пробормотал что-то под нос про странную современную еду, про чудные женские замашки, которые даже в Раю не оставляют их и удалился. Но Арариэль даже не за-

метила его ухода. Уж очень влекли её загадки рождения. Вот как так? Несколько месяцев внутри женского тела развивался плод, потом принимал вид совсем маленького человечка, а затем, здорово помучив мать, выбирался наружу. Когда в него вселяется душа? Когда он перестаёт быть лишь физической копией взрослого и обретает частичку Бога в себе, которая будет вести его всю жизнь? В момент зачатия? Или, быть может, тогда, когда тельце изменяется до человекоподобного? Или в момент рождения?

Задумавшись, людина и не заметила, как кто-то подкрался сзади к ней и громко сказал:

– Бу!

Этот кто-то явно хотел лишь пошутить, но того, что произошло дальше, предвидеть просто не мог. Арариэль от испуга потеряла контроль над облаком, оно растворилось, а сама людина вмиг полетела вниз. Хоть и творила при жизни добро она, но перьев в крыльях было недостаточно, чтобы взлететь и падение продолжалось. Прежде, чем очнуться после этого прискорбного события, она запомнила лишь полный отчаяния вопль:

– Аааааааариииииэээль!

Когда людина очнулась, было непонятно, что происходит. Обычно её Рай был малонаселённым. Там вокруг всё было белое, словно окутанное в бесконечный, бескрайний туман. Порой то тут, то там, прямо в воздухе возникали самые разные яства. Здесь же вокруг стояло множество прозрачных

сосудов прямоугольной формы, в которых лежали младенцы.

Сначала Арариэль подумала, что над ней так подшутил Ади. Он умел создавать иллюзии. Но эта была уж слишком реальной. Внезапно девушка испытала острое чувство голода. Ощущение, которое не испытывала со дня смерти, вот уже 200 лет и по которому совсем-совсем не скучала. Вокруг пахло смесью пудры, каких-то мазей и, почему-то, кала. Внезапно Арариэль захотела плакать. Ещё одно чувство, которое она не испытывала уже несколько столетий. Не способная противиться этому неприятному желанию, она набрала в лёгкие воздух и изо всех сил, навзрыд, зарыдала. Мгновенно от этого истошного звука заболела голова.

Тут же явилась дама невысокого роста, круглой формы и с каким-то помятым лицом. Крыльев за спиной её не было видно.

– А кто тут плачет? – засюсюкала она, – наша Верочка тут плачет! Она хочет ам-ам. Нянечка отнесёт Верочку к мааа-мооочке, – закончила предложение она уже нараспев.

Арариэль даже как-то обиделась. Почему с ней разговаривают, как с умственно отсталой? Зачем её куда-то относить есть и почему в воздухе не появляется пища?

А тем временем эта женщина принесла её к другой. Она не была похожа на ту, что назвала себя нянечкой. Хоть лицо её и было осунувшимся, заплаканным и очень усталым, но видно было, что когда она выпавшаяся и весёлая, то если

не королева красоты, то весьма недурна собой.

А пока Араризель размышляла, нянечка передала её этой женщине. Та осторожно взяла в руки, распахнула халатик и тыкнула прямо в нос грудью. И тут людина поняла – упав с небес, она угодила аккурат в тельце новорожденной, в которой, видимо, ещё не было души. Учитывая, как часто она наблюдала за появлением детей на земле, весьма нелепо, что ей понадобилось столь много времени, что бы догадаться, что именно произошло. От обиды она заревела пуще прежнего, а усталая женщина, видимо, мать младенца, продолжала тыкать грудью ей в лицо.

– Не получается, – с отчаянием в голосе обратилась та к нянечке.

Пышная обладательница помятого лица вздохнула. Она давно уже смирилась с полным незнанием молодых мамочек о том, как ведут себя дети.

– Конечно! Вы же её так задушите!

При этих словах женщина испуганно тут же отодвинула от себя дочь. А нянечка добавила:

– Просто держите её возле груди и она сама за неё схватится.

Араризель, поняв, что так просто от неё не отстанут, взяла себя в руки, перестала плакать, вздохнула и начала сосать грудь. Молоко на вкус оказалось горько-сладким, но вкусным. Ничего. Пить можно. А нянечка заметила:

– Вот видите, как славно! Как ощущения?

Нянечка, конечно, с её-то огромным опытом совершенно точно знала, какими бывают ощущения во время первой кормёжки грудью, но задавать такие вопросы были частью её работы. Ведь общение с пациенткой – неотъемлемая часть профессии. Так как, когда пациент доверяет медицинскому персоналу, то и на поправку идёт быстрее.

– Больно! – поморщилась женщина.

Верно. Всё так и должно было быть. Молочные железы после беременности итак отличаются чувствительностью, а тут ещё за самое уязвимое место беспардонно хватается маленький ребёнок и начинает с остервенением сосать. К такому надо ещё адаптироваться.

– Ничего, Елена Константиновна, – довольно кивнула нянечка, – так часто сначала бывает. Вы очень быстро привыкните.

Вскоре Арариэль унесли от матери, поменяли пелёнки и оставили в покое.

– Так, главное – спокойствие! – размышляла та тем временем. – Меня скоро хватятся и начнут искать. Всё исправят. Будет всё, как раньше. Ту душу, что должна была поселиться в этом теле, направят сюда, а я вернусь в Рай. Да. Так и будет.

Размышляя в подобном положительном ключе, людина сама не заметила, как уснула. Всё-таки это было маленькое тельце недавно родившегося малыша и неудивительно, что она так быстро устала.

Когда сон прервался, первое, что заметила Арариэль, это

темноту вокруг. Видимо, наступила ночь. Лишь потом услышала чей-то голос, который тихо звал её:

– Ара... Ара... Ара, просыпайся.

– Ади? – сонно прошептала её душа. Именно душа. Тельце младенца ещё не могло говорить.

Вполне разумно, что людина подумала – к ней пришёл Адимус. Ведь они много общались в Раю.

– Нет, это я – твоя покровительница, Арариэль.

В Раю и правда о своих подопечных заботились те ангелы, именем которым нарекались души. И обычно они особо не появлялись на глаза. Только перед тем, как временным жителям Небес пора было снова вернуться на землю. Тогда ангел-покровитель приходил, прижимал палец к губам, что бы память о прошлых жизнях и Рае стёрлась, после чего направлял в то тело, которое выбирала себе душа. Но тут случай и правда был экстренный.

– О! Госпожа Арариэль! – встрепенулась душа. – Вы забереёте меня обратно наверх? Слава богу, а то я, кажется, снова мокрая. Не самое приятное ощущение.

Ангел печально покачала головой.

– Нет, дорогая моя. Ты остаёшься здесь.

Сердечко маленького ребёнка ёкнуло при этих словах. Она зажмурилась и приготовилась зареветь. Но быстро напомнила себе, кто она на самом деле такая и ей удалось утихомирить физическое тело, невольной обитательницей которой стала.

– О, нет! Только не это! Я не готова! И почему? Разве нельзя вынуть мою душу и поселить ту, что должна была жить в этом теле?

Ангел сделала смиряющий жест, призывая хранить спокойствие и смирение.

– Тогда дитя умрёт. Мы не можем этого позволить. Нельзя, чтобы невинные страдали.

Но, чем дольше Арариэль находилась в физической оболочке, тем больше тело, подчиняясь своим законам, заложенным Богом когда-то и называемой людьми Природой, брала своё и тем меньше людская натура проявляла должное ей. И душа взорвалась эмоциями.

– Но я тоже невинная! Я погибла мученической смертью! Должна была ещё 100 лет отдыхать. Пусть тело умирает. Ведь душа не пострадает.

Арариэль понимала, что происходит с её подопечной на физическом уровне, поэтому не стала снова повторять смиряющий жест. Осознавала – душа теперь больше человек, чем лиана и ведёт себя соответствующе.

– Пострадает. И очень сильно.

– Да почему?! Та, что должна была вселиться в тельце маленькой Веры в Раю, а там чудесно. Разве нет?

Ангел покачала головой. Она ещё надеялась образумить свою подопечную.

– А ты подумала о родителях этого дитя? О её будущем муже? О людях, которых должна спасти, когда вырастет?

На которых повлияет? О будущих детях, внуках, правнуках? Не появится на свет целая ветвь родовой. Завершится род. У Елены Константиновны больше не будет детей. Она и тебя зачала с огромным трудом. Много молилась, ездила по святым местам. Ей было послано чудо и ты просишь это чудо у неё отнять?

Людина-Вера замолчала. Она понимала, что покровительница говорит ей правду. Что если её вернут на небеса, это будет сильным злом. А добро не может творить зло, иначе настанет разруха и Армагеддон приблизится.

– Но... это навсегда? Мне никак уже не вернуться?

Ангел Араризель промолчала, но её лицо было выразительнее слов.

– А... память? – задала ещё один вопрос Вера.

– Она сотрётся. Таков закон.

Подопечная чуть было не выдала фразу, что это совершенно дурацкий закон. Но, несмотря на то, что физическое теперь преобладало в ней больше, кое-что от людини в ней ещё оставалось и Ара сдержала этот порыв. Лишь спросила:

– А та... что должна была вселиться в тело?

– Она будет твоей подругой. Сейчас у одной женщины начались роды.

Вере было всё-равно, собственно, будут ли они общаться вообще, не говоря уже о дружеских отношениях. Она чувствовала лишь две вещи – острую, как ей казалось, несправедливость и некое раздражение по отношению к той, что

должна была родиться в этом теле. Но вновь умудрилась не дать выплеснуться этим неблагородным и неблагодарным чувствам.

– Я смогу её узнать, несмотря на утрату памяти? Как имя её души?

– Это зависит лишь от тебя, дитя моё. Онафиэль её имя. В честь ангела луны.

Произнеся эти слова, ангел Араризель сделала шаг в сторону своей подопечной и Вера поняла, что сейчас свершится акт запечатывания уст, который не только лишит её памяти об истинном «я», но и не даст возможности, даже если вспомнит о прошлом, рассказать кому-то об этом.

– Постой! – крикнула её душа, – А что же будет после смерти? Я вернусь? И кто виновен в моём перерождении?

– Тебе рано это знать, дитя моё, – раздался ответ.

Вера невероятно огорчилась. Она понимала – то, что ей сказали – справедливо. Но всё же было обидно. Обидно, мокро, и голодно. Она недостаточно наслаждалась благами Рая и теперь, видимо, чувство голода будет преследовать её постоянно. Как и чувство подозрительности. Кто же напугал её так, что она свалилась на землю? Адимус или другие обитателя Небес, с которыми порой общалась? Но додумать мысли Вера не успела, так как ангел быстро подошла, прижала палец к губам младенца так, словно говорила: «Тсс» и исчезла.

Когда бывшая людина проснулась, она уже ничего не пом-

нила. Росла, развивалась, жила самой обычной жизнью ребёнка и не отличалась ничем особенным. Впервые поползла тогда же, как и все дети; впервые пошла, как все и впервые заговорила тоже, как все. И единственное, что отличало её от прочих, это то, что первым словом, которое она сказала, было не «мама», а «есть!».

Глава 2

Восьмое сентября

Когда нянечка уже не роддома, а детского садика позвала всю группу на обычную прогулку, Вера предпочла остаться в комнате. Она взяла в руки свой любимый мяч для игры в волейбол. Он был синий, украшенный жёлтой и красной полосками. Девчужке нравилось проводить пальцем по этим полоскам, представляя, что, на самом деле – млечный путь, а сама она – комета, летящая через него. Для такой малышки это достаточно интеллектуальная фантазия и никто не знал, откуда подобные мысли в такой маленькой голове. Впрочем, родители не особо заморачивались на эту тему. Они просто решили, что их дочь услышала про космос и млечный путь из какой-то книжки, до которых была большой охотницей. Или услышала от кого-то из взрослых.

Но погружение в мысли о путешествии по Вселенной малышку прервал грубейший поступок другой девочки. Это была Мила. Вера считала, что её родители явно ошиблись с именем, ибо можно было придумать какой угодно эпитет к характеру, но только не слово «милая».

Этот маленький метеорит был воистину неугомонен. От неё стонали все нянечки и даже заведующая детским садиком «Медвежонок», дама весьма строгая, которую все по-

баивалась. Не говоря уже о прочих детях их группы «Гусята».

Кто-то пытался набиться к ней в друзья. Ибо все знали – хочешь жить без забот, надо льстить Миле. Другие просто старались держаться подальше. К числу вторых и принадлежала Вера. И Мила ненавидела её вдвойне. Какая-то странная девочка, пресная и неинтересная, словно манная каша, которой их постоянно пичкали в детском садике. Вечно витает в облаках и словно демонстрирует, что все вокруг ей неинтересны. И сама она – Мила, тоже. Даже внешность этой дурацкой Веры была, словно мерзкая каша – бледная кожа, отвратительные жёлтые волосы, тусклые и вечно свисающие вялыми, редкими прядями. Сама Мила обладала внешностью полностью противоположной. Она была брюнеткой со смуглой кожей, из-за чего за глаза другие дети называли её цыганкой. И глаза были соответствующие – чёрные. А у этой, у вялой, водянисто голубые. Манная каша и есть.

Недолго думая, Мила подскочила к бедняжке, вырвала из её рук мячик, стукнула им ей по голове и с возгласом:

– Такие игрушки для нормальных, а не таких чокнутых, как ты! – громко и мерзко хохоча, выскочила на улицу кидаться мячом в других детей, что входило в число любимых забав.

А Вера... Вере оставалось только вздохнуть и фантазировать дальше без мяча. То, что у неё постоянно отбирают игрушки – было вполне обычным явлением. Сначала девчуш-

ка расстраивалась, но потом подумала, что раз с этим ничего не поделать, то остаётся только смириться. Но прошло около 10 минут и гроза всего детского садика вернулась. Её гнев не было предела.

– И что? Что ты сидишь тут?!

Вера подняла свои глаза на вражину.

– А что же мне делать? – спросила она таким спокойным голосом, что лишь вызвала новую волну гнева.

Девочку аж всю затрясло. Она покраснела и сжала кулачки так крепко, что те задрожали.

– Как это что?! – вскричала Мила. – Кричать, сопротивляться, попытаться отобрать мяч или подраться со мной!

– Зачем? – спросила Вера ещё более спокойным тоном.

Мила аж задохнулась.

– А вот... а вот... а вот как врежу тебе!

– Ладно.

Нападавшая так удивилась, что даже расслабила руки, готовые в любую секунду обрушиться на голову этой невнятной мямли.

– В смысле, ладно? – растерялась бунтарка.

Её жертва пожалала плечами. Глаза её не выражали ничего, кроме примирения с судьбой. По ней было видно, что она хотела лишь скорее пережить эти неприятные минуты, а затем заняться дальше своими делами, от которых её так немилосердно отвлекли.

– Ладно. Стукай. А потом ты меня оставишь в покое? Зна-

ешь, – задумчиво продолжала говорить Вера, – это мне напомнило одну сказку о девочке, которая постоянно терпела издевательства своих сестёр, а потом раз и вышла замуж за принца.

– Какого ещё принца? – озадачилась Мила.

– Как?! Ты не знаешь?

Вера от удивления даже перестала летать в своих каких-то никому не заметных сферах и уставилась на недруга водянистыми голубоватыми глазами.

– Неа.

– Ну так садись и слушай. Я расскажу. – Девочка, подражая отцу, поднесла кулак ко рту и прокашлялась, прочищая горло и готовясь говорить дольше, чем обычно. – Однажды, давным-давно, в некотором царстве, в некотором государстве, жила была девочка без мамы и был у неё отец. Однажды он женился на даме с двумя дочками. Вскоре отец умер, а мачеха с дочерьями стали издеваться над сироткой. Даже прозвище ей дали. Золушка. Это значит «пепел», «зола». Её так называли, так как Золушка, убираясь целый день по дому, настолько уставала, что засыпала рядом с камином, не успев добраться до матраса, на котором спала и из-за этого была вечно перепачкана золой.

– А разве по утрам она не мылась?

Рассказчица выпала из ритма своего повествования и замолчала на некоторое время.

– Хм..., – озадачилась Вера, никогда над этим не размыш-

лявшая, но быстро нашлась, – её так заездили с домашней работой, что и помыться-то было некогда.

– Вот какашки! – возмутилась Мила. – Давай, рассказывай скорее, как Золушка от них вырвалась!

Так и начала создаваться и развиваться дружба этих двух таких разных девочек. Сначала это была просто договорённость – Вера рассказывала интересные истории, а Мила защищала её от других детей. Но потом эта договорённость развилась до настоящей дружбы и девочки стали воистину неразлучны. Окружающим оставалось только удивляться и в недоумении разводиться руками. Такие две противоположные девочки не только крепко накрепко сдружились, но даже никогда и не ссорились. Взрослые просто не понимали их логики – именно в различии и содержится причина вечно-го мира. Ведь когда нет ничего общего, то и делить-то нечего. А если нечего делить, то из-за чего может случиться конфликт?

Впрочем, однажды ссора всё же случилась. Подруги учились в одном классе в школе г. Ленинград №36. Им было по 14 лет и вместе с ними учился совершенно очаровательный мальчик по имени Слава. С лёгкой руки Веры его называли «Истый славянин». Мальчик был загляденье. Высокий, со светлой кожей, голубыми глазами и белокурыми, чуть вьющимися волосами. Не в пример паклям Веры, как порой беспощадно выражалась Мила. Конечно, подруги в него тут же влюбились и чуть было не подрались между

собой. Выручил их сам Слава. Он просто начал встречаться с другой девушкой из параллельного класса. Она была неплохим человеком, симпатичной, но на два года старше и поэтому, увидев их, шедших держащихся за руки по улице, Вера хмыкнула сердито:

– Дылда!

В общем, подруги разумно решили, что ссориться из-за парня, который не предпочёл ни одну из них – это вверх бреда.

В остальном девочки жили вполне себе обыденной жизнью. Наверное, это и есть счастье, когда живёшь тихо и мирно. Лишь изредка эта жизнь нарушается мелкими неприятностями. Родительской отповедью, двойкой в дневнике или нечаянно ушибленным локтем. А затем всё снова становилось, как прежде. Так и жили подруги, как говорится в сказках, не тужили и не подозревали, какие счастливые это были дни.

Всё началось осенью, хотя ещё летом начали происходить некоторые вещи, но подруги, в силу своего возраста, особо серьёзно их не восприняли. А вот осенью...

Стоял лютый холод. Градусник показывал -18 градусов. Но Вера, глядевшая в окно утром, радовалась. Ей нравились холода. Относилась к ним, как к чему-то необыкновенному. Замёрзнуть она не боялась. Знала секрет – надо умыться холодной водой. Налюбовавшись вволю на открывающийся вид из окна, пошла есть. На завтрак были манная каша, бу-

терброд с маслом и чай с сахаром. Всегда очень аккуратная, в этот раз всё проносила отчего-то мимо рта. Каша с ложки шлёпнулась на пол, бутерброд упал на колени маслом вниз (тут Вера порадовалась, что ещё не надела школьную форму), а чай умудрился пролиться при попытке его выпить.

Как и всегда, с Милой девочка встретила по дороге в школу. Они жили недалеко друг от друга, так что встречались где-то на середине пути. Не сговариваясь. Хихикая, что бы скрыть своё смущение, Вера поведала о том, какой неуклюжей внезапно стала.

– А ты зря смеёшься. – Не стала поддерживать шуточный тон Мила.

– Почему? – удивилась подруга.

Мила пожала плечами, тем самым давая понять, что не особо в это верит, но и обозначая тот момент, что сказанное ею далее не стоит вовсе игнорировать.

– Мама говорит, что когда еда падает, значит, мёртвые есть хотят.

– Аааа, ты про это! – Рассмеялась Вера. – Так ведь это только про могилки. Если пролила – усопший пить хочет. Уронила еду – есть. Надо скорее ему налить в специальный стаканчик и на тарелочку еды положить. Желательно ту, которую при жизни любил.

Мила, как всегда, когда ей возражали, начала выходить из себя. Её яркие чёрные глаза, являющиеся предметом зависти многих одноклассниц, ещё больше потемнели от на-

мечающегося гнева.

– Но это правда! – Возразила Мила, видя, что подруга явно несерьёзно относится к примете. – У меня дедушка очень любил печенье при жизни. И каждый раз, когда мы приходим и только готовимся его положить, оно падает. Не терпится скорее отведать. А однажды пришли на вдвоенную могилу, где лежали бабушка и её лучшая подруга. Мы забыли про подругу и налили только в один стакан воды. Так у нас бутылка с ней упала, разбилась и пролилась. Хорошо, с собой ещё одна была, мы сразу налили и всё перестало падать.

– Но я-то дома ела, – продолжала улыбаться Вера.

– Всё-равно не к добру, – нахмурилась спутница, – кто-то мёртвый придёт.

Вера совсем развеселилась. Она вообще была скептиком. Думала, раз собирается стать учёной (она мечтала стать астрофизиком), значит, не должна верить во что-то подобное.

– Ты снова путаешь. Считается, что прилетела чья-то душа, когда птичка стучится в окно. И потом, это всё пережитки прошлого. На самом деле мы можем ронять еду неосознанно, помня, что любили наши близкие при жизни, а птички стучатся, потому что снаружи холодно, а в домах тепло. Хотят есть и согреться, вот и стучат.

Внезапно разговор прервался. Девочки пришли в школу. Завертелась учебная жизнь. Надо было пробиться через толпу учеников и сдать верхнюю одежду в раздевалку, поздороваться с друзьями, занять место за партой, приготовить

к уроку. Всё это делалось через улыбки, со смешками и шутками.

Когда, наконец, все уgomонились, Вера повернулась к Миле, с которой они сидели за одной партой.

– Послушай, – зашептала она, – с учебного года ни разу не видела Славку.

– Ты что, ещё о нём мечтаешь? – удивлённо вскинула брови подруга.

Позади них внезапно раздался смешок. Девочки синхронно, словно репетировали, развернулись. Позади них обычно сидела Людка Чернова. Ужасная сплетница, надоеда и учительская подлиза.

– Вы что, не знаете?

Подруги переглянулись.

– Нет, а что?

– Его семью эвакуировали ещё в июне. Помните? Тогда тех, кому ещё нет 14, увезли. Вот и он уехал. С родителями.

Подруги переглянулись между собой и снова одновременно, как это бывает у лучших друзей, в один голос спросили:

– И куда же они уехали?

– Да кто их знает, – пожала плечами Людка. – Взяли минимум вещей, сели на поезд и адыю.

Мила с Верой озадачились. Они, как и всякие девочки в их четырнадцатилетнем возрасте, были натуры очень романтичными и считали, что все парочки в этом мире должны быть на манер Ромео и Джульетты – жертвовать всем,

лишь бы быть вместе. Если нужно, и умереть даже вместе.

– А как же дылда? – растерянно спросила Мила.

– Дылда? – Сначала не поняла сплетница, но потом быстро догадалась. – Ты о Светке? Уехала месяцем позже. – Она как-то высокомерно хихикнула при этом. Людка вообще хихикала по поводу и без, производя впечатление глуповатой особы. И это впечатление совсем не было ошибочным. – Скажите же, дураки, да? Немцы ни в жизнь Ленинград не захватят. Враки это всё. Страшилки взрослых. Когда дурацкий Гитлер на нас напал в июне, пацаны со двора сразу сказали – дольше полугода эта ерунда не продлится. А полгода в декабре – январе будет. Так что к январю 1942 года фашисты как миленькие к себе обратно уберутся, да ещё и скульптур будут при этом. Чуть-чуть осталось.

– Ну не знаааю..., – протянула Вера, – папа сказал...

Но что сказал Верин папа, служивший инженером на заводе, ни Люда, ни Мила услышать не успели. В класс вошла учительница и, громко постучав журналом по столу, привычно таким образом призывая к тишине, начала перекличку.

Урок проходил тихо. Ольга Владимировна Глоба была невероятно грозной женщиной, в присутствии которой не смел заговорить даже самый отъявленный хулиган. По этой причине по её предмету – математике, было так мало отличников. Она так грозно орала, что не то, что формулы, собственное имя забывалось. Поэтому все были только

рады, когда посередине урока в кабинет зашла завуч и, даже не посадив детей после того, как они встали поприветствовать её, коротко сообщила:

– Через 10 минут срочное собрание в актовом зале. Всем быть в обязательном порядке.

Она вышла, не закрыв даже за собой дверь и было слышно, как открывает дверь в следующий кабинет и сообщает то же самое.

В классе тут же поднялся гам. Все забыли даже про грозную Глобу. Уж очень необычно всё это было. Принялись обсуждать, в честь чего такое срочное собрание, что даже уроки прерывают. Но Ольга Владимировна, привыкшая тотально контролировать учеников, не дала им распусться.

– Тихо! – грозно крикнула она. – Берите портфели на всякий случай и выстраивайтесь в ряд. Идём в актовый зал дружно, стройным порядком, змейкой по два человека в ряду и без гвалта!

– Как первоклашки! – осмелился кто-то недовольно шепнуть.

Но учительница, которая всегда была на чеку, услышала шёпот.

– Я сказала тихо! – рявкнула Ольга Владимировна и встала в дверях, что бы проконтролировать своих подопечных.

Мила, которая вовремя скоординировалась и встала рядом с Верой, шепнула ей тихонько:

– Я же говорила – твоя еда падала к несчастью! Вот уви-

дишь – нам скажут что-то плохое!

Та лишь промолчала. Если Глоба увидит, как они переговариваются, мало не покажется.

Когда класс дошёл до актового зала и расселся, то увидели, что собралась фактически вся школа. Те, кто ещё не успел подойти, были на подходе и дверь то и дело открывалась, впуская очередных учеников и сопровождающего их учителя. Вокруг был слышан невероятный гул. Все переговаривались друг с другом, обсуждая, что такого могло случиться, что собрали аж всю школу. Дети то и дело бросали взгляд на угол рядом со сценой, в котором стояла директор Екатерина Анатольевна Смирнова вместе с медицинской сестрой. Лица их были серьёзны. Бывало, кое-кто из самых отважных и нетерпеливых учеников подбегали к директору с вопросом о цели собрания, но та качала головой, видимо, отказываясь раньше времени сообщать об этом. Наконец, все были в сборе и директор поднялась на сцену. Откашлявшись, прочищая горло, она не стала тянуть кота за хвост и сразу перешла к сути.

– Произошло невероятное. Умоляю вас выслушать меня спокойно и с мужеством отнестись к моим словам.

Директор вздохнула, подсознательно набирая в грудь воздуха, что бы долго говорить.

– Наш чудесный, прекрасный, невероятный город. Город, носящий имя Ленина...

– Снова пропаганда, – с тоской прошептала Мила на ухо

подруге.

Но та, как всякая другая отличница, была не расположена шутить в то время, когда держит речь директор.

– Тсс, – шикнула Вера, – тихо, а то заметит и выговор дает.

А директор тем временем продолжала.

– ... символ социализма, вот почему гитлеровцы мешают не только победить в войне, которую, не смотря на договор, так подло начали без объявления войны, но и стереть с лица земли наш общий обожаемый город. Тем более, что он является прямым путём к Северу. Именно отсюда ведут дороги к Белому морю и Ледовитому океану, в Арктику. Если у них всё получится, что, конечно же, невозможно себе представить, Балтийское море станет их морем и наш замечательный Балтийский флот исчезнет, и тогда смогут они наступать на Москву, на нашу дорогую столицу! Но мы этого не допустим! Вся страна, от мала до велика поднялась, что бы защитить нашу славную Родину. И, видя эту всеобщую храбрость, эту силу, фашисты пошли на ещё более ужасное преступление – они хотят уничтожить город Ленина. Наш с вами город! Город, ставший колыбелью Октябрьской революции!

Подождав, пока стихнет шум, возникший после этих слов, директор продолжила речь, наконец, переходя к самой сути сообщения.

– Стало известно, что с сегодняшнего дня наш славный город Ленинград изолирован. – Она внимательным взором

окинула собравшихся. Все потрясённо молчали, не зная, как отнестись к её словам и Екатерина Анатольевна продолжила. – Сегодня, 8 сентября, Гитлеровские войска захватили Шлиссельбург, перерезав последнее сухопутное сообщение Ленинграда с остальной страной. Это значит, что никто не может уехать из города и никто не может войти в него. Идут яростные бои за то, что бы не пропустить сюда немцев.

Кто-то при этом известии, не понимая, что здесь такого, оставался спокойным; кто-то упал в обморок; кто-то вскрикнул... Все реагировали по разному. Директор подождала немного, что бы волнения улеглись и спросила:

– Есть вопросы?

Кто-то поднялся и спросил:

– А почему тут нет младших классов?

Директор устало потёрла виски пальцами и ответила, хмуро жмурясь, пытаясь разглядеть в толпе ученика, задавшего вопрос.

– Они слишком маленькие. Им объяснит всё их учительница в классе.

Поднялась Людка.

– А нас отпустят с уроков?

– В другой раз, Чернова, я бы снова вызвала вас на очередную личную беседу в моём кабинете. Но сегодня отдельный случай. Да, вы можете идти домой, чтобы обсудить с родными ситуацию и прийти в себя, но завтра мы с коллегами ждём вас на занятиях.

Люда, довольная, села и на этот раз поднялась с вопросом Мила.

– Значит ли это, что еду тоже привозить не смогут?

Смирнова, довольная, что хоть кто-то задал дельный вопрос, кивнула и ответила:

– К сожалению, вы правы. Единственный путь для пищи – по воздуху, но вы уже сами пережили несколько бомбёжек и должны понимать, как это опасно.

Тут же с мест начали подскакивать и другие дети. И вопросы посыпались один за другим. С огромным трудом через весь этот шум Мила почти прокричала на ухо своей подруге:

– Говорила же! Твоя падающая еда – плохая примета!

Глава 3

Страх

Вера не стала дожидаться подругу. Пожалуй, чуть ли не впервые в своей жизни, пошла одна. Её ошарашило, что теперь, возможно, нужно экономить еду. Ведь если магазины не будут пополняться новой продукцией, то придётся ужиматься и есть меньше. Так сказать, затянуть пояса. Всегда мечтавшая о братике, которого она могла бы защищать, девушка порадовалась, что она – единственный ребёнок в семье. Меньше еды будет уходить. Правда, тут же устыдилась этих мыслей.

Внезапно девочка остановилась посреди улицы, словно вкопанная. Развернувшись, она побежала не домой, а в совершенно противоположную сторону. В театр «Молодёжный», где её мама работала билетёром. Запыхавшись, ворвалась в кабинку, где сидела Елена Константиновна.

– Дочка, что с тобой?! – всполошилась она.

И её испуг можно было понять. Любой подумал бы самое худшее, глядя на Веру. И без того водянистые, почти прозрачные голубые глаза стали ещё светлее. Белок вокруг зрачков покраснел, а и без того слишком белая кожа стала совсем фарфоровой. Было впечатление, что школьница вот-вот рухнет в обморок.

– Мама, мамочка! – разрыдалась та.

После такого проявления бурных эмоций женщина перепугалась ещё больше. Вмиг в голове пронеслось множество предположений, что такого могло случиться с любимой дочкой, что та пришла в подобном состоянии, граничащее с истерикой.

– Что? Что такое?

– Дай скорее денег! Я пойду в магазин и всю-всю еду скуплю.

Руки у Веры тряслись.

– Еда? Маленький, зачем тебе? Дома хлебушек есть, я супчик сварила, картофельное пюре на плите стоит. Да и запасов полным полно. Крупы пшённой четыре кило, три килограмма чечевицы, риса четыре, сахара вообще шесть. Хочешь, сходи в нашу столовую, компотику себе возьми. А с деньгами не выйдет. С июля карточки ввели. Ты забыла?

– Ах, мамочка! – воскликнула девочка, словно раненная чайка, – этого мало! Нам в школе сказали, что в магазины ничего завозить не будут. Мама, ведь еда закончится!

Женщина не знала что и делать. Смеяться или плакать. Все представленные ею ужасы оказались лишь плодом воображения. Оказывается, её упитанная дочурка лишь испугалась, что продуктов станет меньше. Мать устало поникла.

– Ах вот оно что... вам уже сказали... Не ожидала... кольцо вокруг города только-только замкнулось... Оперативненько. Могли бы и посоветоваться с родителями. Но ты

не обращай внимания, – попыталась утешить она дочь, – мы – советские люди, таковы, что можем без вреда для здоровья хоть асфальт есть. А если фашисты начнут грызть асфальт, то непременно помрут. Нашим воинам и вступать в бой не понадобится.

Тут она деланно хихикнула и толкнула дочь в бок, ожидая, что расплывётся в улыбке и она.

Но Вера словно не слышала. Она продолжала о своём.

– Дай денег. Все, какие есть. Я обойду магазины. Куплю... мы запасёмся. Говорят, к новому году победим.

– Малыш, ну зачем..., – голос матери прервался от волнения, но она тут же взяла себя в руки и продолжила. – Еда ведь портится. А мы тебе ботиночки новые хотели на зиму купить, пальтишко справить. Нужно за квартиру заплатить. Да мало ли житейских расходов.

Она вздохнула. Помолчала. Молчала и дочь. Кто-то постучал в окошко. Надо было продолжать работать. Елена Константиновна спохватилась, прошептала:

– Ты иди, иди домой, уроки делай, не думай о плохом.

И тут же распахнула окошко, вежливо спросила:

– Сколько вам, товарищ, билетиков? Два? Один взрослый и один для ребёнка? 30 копеек за первый и 10 за второй. Итого с вас 40 копеек, пожалуйста.

Вышедшая наружу девочка увидела, что у кассы успела столпиться небольшая очередь. Обычно девочка была очень совестливая и в другое время наверняка испытывавшая муки

совести из-за того, что заставила людей ждать, в этот раз осталась абсолютно равнодушной к создавшейся ситуации. Она медленно и понуро побрела домой. Да, мама права – скоро война закончится, дурацкий Гитлер останется ни с чем и всё будет хорошо. Она закончит учебный год, перейдёт в восьмой класс с хорошими оценками, похудеет, наконец. Мелькнула мысль – может, вернуться и попросить маму пропустить на киносеанс? Ведь дать задания на завтра не успели и готовиться к урокам всё-равно не надо. Но настроение было совсем не для того, что бы развлекаться. Мелькнувшую было мысль Вера отмела и всё же пошла домой.

Оставшаяся часть дня прошла в унынии. Тоже понурый пришёл с завода отец. Вернувшаяся вечером мама, хоть и пыталась казаться бодрой и весёлой, но видно – пессимистические настроения и её захватили в свой плен. Они все друг другу избегали смотреть в глаза. Словно каждый знал то, что будет дальше и боялся, что другой член семьи сможет по глазам всё понять.

Не такая уж и плохая теория. Ведь родители ребёнка для него – весь мир. Падая, тот смотрит на них, решая – заплакать или не стоит. И если те бросались к своему дитятку, охали, ахали и начинали с тревогой осматривать коленки и локоточки, дитя понимает – всё печально. Пора впадать в истерику.

Если же родители, смеясь, успокаивающе поглаживают тротуар, и, хихикая утешают его:

– Ах, бедный-бедный тротуар, так тебя наша Верочка ударила.

Тогда и сама девочка начинала смеяться и уже через минуту забывала о происшествии.

Так, видимо, было и теперь.

Что бы как-то развеять обстановку, Елена Константиновна, улыбаясь, обратилась к мужу:

– Ах, Никитка, как хорошо, что у тебя бронь. Всё-таки замечательно, что ты у меня такой талантливый и незаменимый инженер на заводе. Благодаря твоей работе ты остаёшься дома, здесь, в Ленинграде, и не надо будет рисковать жизнью на фронте.

Но Никита Сергеевич не разделял её радости.

– Помолчала бы, коль мало понимаешь, – буркнул он, делая большой глоток чая из своей гигантской чашки, – лучше бы на фронт ушёл. Было бы больше толку.

Женщина, хоть и уловила откровенное раздражение в его голосе и обычно замолчавшая, что бы не нарваться на семейные неприятности, в этот раз всё же продолжила говорить.

– Ну как же, – не унималась его супруга, – ты ведь руководишь выпуском оборонной продукции и даже курируешь оборонительными сооружениями вокруг нашего любимого города. Без этого погибало бы на фронте невероятное количество бойцов, да и к Ленинграду фашисты, быть может, подступили бы давно уже. Да за тебя, как за руководителя этих проектов, ещё столетия потомки выживших будут

свечки в церквях ставить.

И без того вспыльчивый Никита Сергеевич, как и многие из руководителей, вышел из себя при таких речах.

– Тихо! – Ударил кулаком по столу мужчина. – Советская женщина, а такую ерунду говоришь. Бога нет!

Елена Константиновна вздрогнула от этого проявления гнева и наклонила вперёд лицо. Видно, что она собирается заплакать и тщетно пытается скрыть этот факт от семьи. Муж понял это и примирительно молвил:

– Ну что ты в самом деле... прямо как бабушка деревенская. Бог... А что касается обороны... Может, и правда в будущем будут благодарить человека, кто всем этим занимался. Да разве ж запомнит кто моё имя? Так... обезличено, может, и поблагодарят. Да и то вряд ли. Вспомни того француза, который изобрёл каску. Как бишь его... Вот видишь, – примирительно продолжал рассуждать он, – оборона – моя профессия и прямая обязанность, а даже я имя того человека не помню.

Глава семейства, хоть и был вспыльчив, был и столь же отходчив. Теперь он искал повода для примирения, но не находил. На помощь подоспела всегда понимающая отца дочь.

– Генерал Луи Адриан, – подсказала с порога Вера, в присутствии которой отец часто рассуждал о разных военных фактах, в том числе упоминал и этот. И она запомнила.

– Ах, верно, – хлопнул себя по лбу мужчина и подтвердил, – это был Луи Адриан. Защитные уборы так и называ-

лись – каски Адриана. Генерал он был так себе, а вот его нововведение спасло невероятное количество жизней.

– И твоя работа спасёт, – тихо проговорила Елена Константиновна, тем самым давая понять, что не в обиде на супруга.

Хоть Вера и была озабочена этой минутной размолвкой, её всё не оставляли мысли о запасах еды. Но снова предложить закупаться впрок она не решалась. Боялась, что мать на смех поднимет. Тем более сейчас, когда она обижена. Ещё не хватало, что бы начала шутить, что за счёт своей пышной фигуры дочка любые голода переживёт. Вера итак комплекс овала из-за своей слишком расплывшейся фигуры. В конце концов, девушка пошла на хитрость.

– Мам, – дёрнула она женщину за халат, – у нас хлеб заканчивается. Давай я в булочную сбегая? Я знаю место, где за деньги обычные можно купить.

Та, сочтя, что дочь снова мается ерундой и паникует на пустом месте, даже не подняла на неё глаз.

– Угу, – откликнулась та, не отвлекаясь от своего хобби – вязания. Только возьми чёрный. У меня как раз 80 копеек есть без сдачи в сумочке.

– Мааам, – всё не унималась Вера, – а я тут такой интересный рецепт сухариков услышала. Надо обвалить кусочки хлеба в подсоленном масле и запечь в духовке. А есть ещё сладенькие. Только обвалить нужно не в масле, а в сметане, окунуть в сахарный песок и в духовку. Говорят, вкусно. Сде-

лаем, а? Ну пожалуйста!

В разговор вклинился Никита Сергеевич, всё ещё винивший себя за то, что повысил голос без веской причины на любимую жену.

– Ох, дочка, скоро в дверь не войдёшь, – пошутил он.

– Папа, ну это же диетическая еда! – сразу надулась Вера.

Мать наконец-то отвлеклась от своего рукоделия. Она побоялась, что из-за этой перепалки Никита снова выйдет из себя, но на этот раз сорвётся на Вере.

– Ох, ну хорошо-хорошо, – откликнулась Елена Константиновна. – Не отстанешь ведь. Эта твоя тяга к рецептам до добра не доведёт, вот увидишь! Помни – алкоголик может дожить до 100 лет, толстый человек – никогда!

– И что, – сощурилась девушка, – предлагаешь стать мало едящим алкоголиком?

Женщина рассмеялась.

– Уговорила. Тебе какой хлеб нужен для твоих сухариков? Белый или чёрный? Впрочем... не важно. У меня там рублей пять есть. Можешь взять на все.

Вера кивнула и убежала. Вкуснее было бы из белого хлеба. Но она возьмёт чёрный. Тогда больше сухариков получится сделать. А уж они-то долго не испортятся.

Не зная почему, но на следующий день Вера избежала встречи с закадычной подругой. Она специально вышла из дома в самую последнюю минуту и забежала в класс вместе с раздавшимся по всему зданию звонком. Вся запыхав-

шаяся, шумно брякнулась на своё место, одним натренированным движением руки достала из портфеля всё необходимое и сложила стопкой на парту. Успела она как раз вовремя. Вошедшая Глоба (у них снова первым уроком была ненавистная математика) сердито кивнула классу. Все дружно встали. Учительница махнула рукой, давая понять, что можно садиться и, не отказывая себе в удовольствии унижить в начале урока школьников, повысила голос.

– Снежная! Вера! Что за бардак на столе! Убрать всё!

Вера сразу подняла крышку стола, быстро запихала всё внутрь, кроме учебника и тетради, сложила руки на парте и замерла, стараясь держать осанку прямо. Все обычные придирки ненавистной учительницы она знала и не собиралась давать повода ещё раз повысить на неё голос.

Ну а Глоба тем временем, с чувством исполненного долга, начала урок. Пользуясь тем, что женщина повернулась спиной, Мила пихнула локтём подругу и зашептала еле слышно:

– Ты куда вчера пропала? И сегодня не пришла! Это хорошо, да, вот так вот поступать?!

– Тиийихааа! – раздалась команда Ольги Владимировны, сопровождающая грохотом. Это она со всей силы хлопнула бедным учебником по столу.

Обе девочки замерли. Даже вечно неугомонная Мила до конца урока не осмеливалась поворчать на Веру.

Как только прозвенел звонок, не смотря на окрик Глобы: – Эттта что такое?! Звонок для учителей!

Мила утащила подругу в коридор.

– Да что с тобой? – удивилась Вера, – подумаешь, захотела одна побыть. Ты что, Ольгу Владимировну не знаешь? Она же нам с тобой всю жизнь испортит!

– Одна она захотела побыть! – зашипела Мила. – Ты все новости проспала. Взрослые, как всегда, думают, что мы глухие и тупые. Как бы не так. Людка говорит, Бадаевские склады подорвали!

Вера обомлела. Сам факт того, что что-то подорвали напугал её, а тут ещё какие-то склады. Оставалось только надеяться, что склады с чем-нибудь ненужным. Например, с гвоздями.

– Какие ещё склады? – озадачилась Вера. – Те, что в промышленной зоне?

– Ты тупая? – Закатила глаза подруга, – Ленинград бомбят! Это значит, немцы совсем-совсем близко. Ну, то есть, бомбили и раньше, но что б склады... Ой, мамочки, а что, если весь город уничтожат? Надо бежать! Сейчас как раз вторая волна эвакуации. Нужно уходить отсюда!

Вера закатила глаза. В такие вот минуты бурных эмоциональных переживаний Мила начинала слышать только себя. Вот и сейчас. Даже не ответила, с чем склады были. И Вера снова спросила об этом подругу.

– Да с едой! С едой они были! – отмахнулась от вопроса Мила. – Ты, чем глупости спрашивать, лучше скажи, что теперь делать.

Вера, побелевшая от этой новости, принялась утешать подругу.

– Да ты больше Людку слушай! – махнула рукой Вера, у которой сердце у самой было не на месте. Она, вроде, утешала подругу, но одновременно и себя тоже. – Чернова неисправимая сплетница. Ещё и не то ляпнет, лишь бы авторитета себе добавить.

– Много ты понимаешь! – сощурилась Мила, которой принципиально важно было отстоять своё мнение. – Костик, когда журнал в учительской забирал, часть разговора подслушал. Там о том же самом рассуждали.

– Да, но..., – неуверенно залепетала Вера, – у нас тут школа, друзья, любимые места в городе...

Настал черёд Милы закатывать глаза. Эту вредную привычку, кстати, она как раз у Веры и переняла. И с тех пор откровенно злоупотребляла ею. Да так, что глаза порой побаливали.

– Да очнись же ты! Если город начали бомбить, значит, нам всем крышка! А после смерти уже плевать будет и на школу, и на места! Я бы сразу побежала к родителям, но хотела тебя, дурёху, дожидаться. Айда в Иркутск вместе! У меня там тётка живёт.

– Это что? В Сибири? Там, где Колчак умер?

Мила свою подругу любила и дорожила ею. Но в такие вот минуты, когда та включала режим отличницы, готова была, прямо как когда-то в детстве, когда они ещё не подружились,

стукнуть по голове. И чем сильнее, тем лучше.

– Какой ещё Колчак? – удивилась Мила, у которой по истории всегда была тройка, да и то за то, что, как говорил учитель, она на Эсмеральду из романа писателя Гюго похожа. – Да неважно, кто там умер. Главное – мы живы будем. Фрицы до Сибири точно не дойдут!

– Подожди! А как же работа родителей?

– Они там новую найдут! Ну! Согласна? В крайнем случае, сбежим. А они за нами поедут, что бы вернуть. А там уж уговорим. Главное – из города уйти!

Хоть Мила и заговорила о том, чтобы покинуть город, но не сразу они решились хотя бы поговорить с родителями, не говоря уже о том, что бы на самом деле сбежать. Всё переменялось после 30 сентября. Это был действительно жуткий день. Был налёт и крейсер «Аврора», про который постоянно ходили разговоры и в школе, и вне её о том, как он важен, что именно оттуда был сделан выстрел, ознаменовавший взятие Зимнего дворца, этот легендарный крейсер получил пробоину.

Это так поразило девушек, что они более серьёзно задумались о том, что бы покинуть Ленинград.

Разумеется, никуда сбежать подругам не удалось. Родители свято верили – всё обойдётся и боялись потерять рабочее место. А Верин отец и вовсе занимал руководящую позицию на жизненно важном для обороны посту и отказался покидать город ещё и из ответственно-патриотичных по-

буждений. Вера не захотела бежать в Иркутск. Да и как бы они туда добирались? А Мила всё же не решилась бросить подругу детства, хоть и не раз подумывала над этим.

С описываемых здесь дней прошло всего два месяца. Два месяца, полных надеж, ожиданий и... страха. Наступил октябрь. Именно тогда впервые посетил Верочку сон, который её очень напугал. Вечный скептик, ни во что, кроме своих звёзд не верящая, она увидела нечто совершенно мистическое, хотя даже сны у неё всегда были сугубо материальные, если вообще снились. Не подвержена она была как-то к сновидениям.

И вот что видела она той октябрьской холодной ночью, свернувшись под толстым одеялом в клубочек. Словно она находится в некоем светлом-светлом месте. Это очень тёплый, солнечный свет. И до такой степени яркий, что всё вокруг казалось почти белым. Но при этом свет не слепил. Вокруг ходили полупрозрачные тени. Словно ангелы. С крыльями. Ходили как-то странно. Словно против сильного ветра шли. Наклонив корпус вперёд и с трудом волоча ноги. И тишина. Абсолютная. Такая, о какой говорят, что она – оглушительная. И вдруг звук. Резкий, пронзающий, пугающий. Кто-то прокричал: «Беда!».

И вдруг, внезапно, все ангелы рухнули как один на пол и остались лежать, не шевелясь. Весь белый свет осыпался чёрными осколками. Зазвенел, словно разбитое зеркало, пошёл трещинами. И из белого мира Вера очутилась в чёрном.

Раздавались уже знакомые звуки по реальной жизни – так свистели снаряды.

И тут девушка очнулась. С побелевшим от страха лицом на ней склонилась мать и судорожно трясла её, словно билась в эпилептическом припадке.

– Что? Что такое? Что случилось? – Едва-едва пролепетала Вера, ещё не проснувшаяся толком и не понимающая, что происходит.

– Беда, дочка! Обстрел. Вставай! Надо прятаться!

Вера прислушалась. И правда, звучала тревога.

Сон как рукой сняло. Она подхватилась и, как была, прямо в белой ночной рубашке до пят, побежала с матерью в бомбоубежище, лишь тулуп успела на плечи накинуть. Уже когда они стали подбегать к цели своего назначения, как Веру осенило.

– А как же папа?!

– Ты забыла. Он остался на заводе на ночное дежурство.

А на улице творилось страшное. Целых двенадцать боевых самолётов летели по небу. Они выли и трещали. Гремели взрывы бомб. Где-то вдалеке виднелось море огня благодаря ночи, которая делает близкими самые дальние огни. По небу гуляли прожекторы.

Утром стало известно, что завод «Красный выборжец» попал под бомбёжку. Его удалось отстоять. Но Никита Сергеевич, отец Верочки, погиб.

Они не могли знать, что в будущем, в 1965 году, будет

поставлена памятная стела из гранита с надписью «Участникам героической защиты Родины, Ленинграда, родного завода в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Установлен в день 20-летия Победы над фашистской Германией». Но даже если бы и знали... легче от этого им не стало бы.

Глава 4

Кража

Поминки. В доме никого. Кроме, конечно, самой Верочки и Елены Константиновны. Да и что есть? Еду ещё можно было добыть, но уже пришло понимание того, что это временное явление. Как быстро закончится всё это? Или будет длиться, пока не освободят родной Ленинград? Неизвестно. Поэтому не наведалься никто. Правда, что бы проводить в последний путь, пришло несколько товарищей с завода. Пока везли на невесть каким чудом добытой телеге гроб на кладбище, Вера услышала разговор пришедших. Те обсуждали, что Никиту Сергеевича хоронят по божески – в гробу. Но, говорят, уже скоро и эта роскошь не будет доступна. Дров очень мало уже сейчас, а зима будет холодной.

Домой к вдове и оставшейся на половину сироте мужчины не пошли. После того, как с трудом удалось раскопать землю и совершить погребение, они как-то незаметно исчезли. И вот теперь Вера с мамой сидели за круглым столом и с каменными лицами смотрели куда-то в пространство невидящим взором.

Внезапно хлопнула дверь. Появилась Мила.

– Здравствуйте, Елена Константиновна. Соболезную. Подруга, ты как, держишься? – Смущённо выпалила она. Села.

Вгляделась в лица хозяек квартиры, которые так и не удостоили её ответом, оглянулась по сторонам.

– Кхм-кхм, – откашлялась она.

Вера хотела было спросить, почему подруга не пришла на похороны, но покосилась на мать и решила лишней раз не напоминать ей о скорбном событии. А Мила, сама «тактичность», лягнула:

– А что вы сидите как-то... не по русски? Не поминаете?

Горе на всех действует по разному. Кто-то без конца рыдает, другой прячется в апатии, третий убегает в сон и скрывается с помощью царства Морфея от отрицательных эмоций, а у кого-то горе проявляется в несказанном раздражении. В отношении Веры отчего-то сработал последний вариант. И это было удивительно. Обычно она была всегда спокойна и если и ждать от неё какой-то реакции, то апатии. Но она повела себя не в соответствии со своим обычным характером и теперь в бешенстве вскочила на ноги.

– А ты что, поесть сюда пришла? – Мигом взвилась она. – Это из-за понижения выдачи еды по карточкам, да? Решила за счёт нашей беды брюхо набить?

Елена Константиновна, с которой сработал как раз таки вариант с апатией, проявила спокойствие.

– Тихо-тихо, девочка моя, – грустно попыталась утихомирить дочь женщина. – Мила права. Не по христиански это.

– Мама, ты советская женщина, а такие глупости говоришь! Нет никакого бога! И тратить еду из-за обряда... это

просто расточительство. Особенно на некоторых... которые только поесть и приходят, а в последний путь... А ведь он для тебя так много сделал, Мила. Ведь и в школу даже не хотели брать. Папа посодействовал...

Вера резко замолчала, словно захлебнувшись теми жестокими словами, которые вот-вот уже готовы были вырваться. Впрочем, и того, что она уже сказала, вполне хватило.

– Ах вот как! – Резко поднялась Мила, – хорошего же ты обо мне мнения. Но ничего... я понимаю... такая утрата... Я буду ждать твоих извинений.

И, не прощаясь, ушла.

Но Вера и не собиралась извиняться. Она была шокирована поведением подруги, которую теперь считала бывшей. Не прийти проводить в последний путь, при этом чуть ли не начала требовать еду, якобы, что бы помянуть, да ещё и строить из себя несправедливо обиженную в столь тяжёлый для неё, для Веры, день! Уму непостижимо! Она тоже встала, вышла и разрыдалась от обиды в туалете.

Не смотря на ситуацию, все продолжали ходить в школу. Хотя таких учеников становилось всё меньше и меньше. Не прошло и недели, как произошло снижение норм продовольствия и поэтому многие махнули на обычную, привычную жизнь. Пошли работать, что бы можно было получить больше пищи. Но девочки теперь не разговаривали, хотя общеобразовательное учреждение продолжали посещать обе. Каждая считала себя в праве. Незаслуженно обиженной

и оскорблённой. Но ни одна из них не желала идти на встречу другой. Норма хлеба, выдаваемая на сутки, становилась всё меньше; вечера всё более холодными; сердца всё более опечаленными.

Кто-то свято верил в победу, которую рано или поздно одержит советский народ. Другие отчаялись и жили просто по инерции. Совсем уж малодушные даже с нетерпением ждали смерть. Называли долгожданной гостьей. А были и такие, которые считали, что нужно сдать врагу город. И аргументы, что, скорее всего, тогда Гитлер и его приспешники попросту уничтожат и Ленинград, и всех его жителей, вызывали бурную реакцию. А сторонники сдачи города отвечали, что тогда хотя бы смерть не будет мучительной. К таким людям относились с пренебрежением и называли моральными дистрофиками. Впрочем, таких было мало.

Впрочем, Вере это не помешало и самой столкнуться с людьми, моральный компас которых не указывал строго на север. Когда в сентябре объявили блокаду, она хитростью выманила деньги на сухарики, которые припасла. Сухарики эти растягивались как можно дольше. Съедались только, когда очень уж есть хотелось. Всё-таки на двоих получалось 300 гр. в сутки хлеба по карточкам. Хлеб был совершенно несъедобный. Сожми его в кулаке и половина воды вытечет. Тем более, по сравнению с сухариками, которые были сделаны из хорошей муки.

Но было понимание – уничтожь запасы и тогда неизвест-

но, получится ли дотянуть до конца этой муки голодом. Вера всё ещё верила, что к январю 1942 года закончится этот ад. Но с каждым убывающим сухариком этой веры оставалось всё меньше и меньше. В конце концов, Вера и вовсе отказалась от сухарей, оставив на самый тяжёлый день, который, как надеялась, никогда-никогда не наступит. А пока ела, что придётся. Обычный хлеб, который, пусть небольшими дозами, но выдавали. Лекарства, специи, вазелин, глицерин. Даже землю. Но не простую. С Бадаевского склада. Тогда сгорел сахар. Он был растоплен огнём, залит водой пожарных брандспойтов. Да, он смешался с землёй, песком. Но его промывали водой и перерабатывали на кондитерской фабрике. И поначалу его можно было купить. Потом, правда, исчез и этот чёрный сахар, который по вкусу напоминал леденцы. Некоторые если оставшуюся землю на складе, но сама Вера нет – уж больно далеко было добираться.

А в середине октября произошло ужасное. Однажды Вера, придя в школу, увидела, что бывшая подруга впервые не явилась. В этом не было ничего особо удивительного. Кто-то переставал ходить из утраченной воли. Что им школа? Даже просто вставать по утрам с кровати было тяжело. А другие вставали, но были заняты. Кто-то работал, кто-то помогал ухаживать за домашними или соседями. А кто-то... умер.

Вера в первую секунду испугалась, когда увидела, что урок начался, а вечной соседки по парте нет, но потом утешила себя, что, скорее всего, та просто махнула рукой на эту

будничную и никому не нужную рутину и перестала ходить, что бы не тратить своё время. Поэтому домой после уроков возвращалась уже без особых тревог по этому поводу. К несчастью, хватало и других причин для бесконечных беспокойств.

К ужасу своему, зайдя домой, она увидела, что и без того ослабевшая мать валяется прямо на полу и рыдает. Причём, более всего напугало то, что слёзы градом катились по беспомощным щекам. Ни звука при этом не издавалось. Лишь глаза блестели.

– Господи, мамочка, что случилось? – Воскликнула Вера и подскочила к бедной женщине, что бы помочь встать.

– Беда, Вера, беда! – наконец начала всхлипывать та. – Это всё Мила! Она пришла с какой-то девочкой. Люда, кажется... Я её несколько раз видела в школе у тебя. Ты мне её показывала. Они забрали все сухари.

Вера онемела. Одно дело некрасиво вести себя, но поступить так с ними! Ведь они дружили с самого детства! Это хуже самого мерзкого предательства на свете! Этому даже определения никакого нет.

Она сорвалась с места и понеслась к дому ненавистой теперь этой наглой девицы. Бежать надо было два квартала и Вера была обессиленная от голода. Но сильнейшие негативные эмоции придали ей таких сил, что она не только эти два квартала, а до самого Берлина, до самого фюрера могла добежать в мгновение ока.

Ворвавшись в квартиру, она начала хлестать по щекам эту тварь, даже толком не отдавая отчёта в своих действиях! Хлестала и не замечала, что по её собственным щекам текут слезы, а сама она бесконечно произносит:

– Как ты могла?! Как ты могла?! Как ты могла?!

В конце концов устали обе. Вера бить, а Мила терпеть побои. Тем более, что в последние месяцы ели мало и обе ослабели. Когда отдышались, Вера снова спросила. Уже спокойно.

– Как ты могла?

Сначала было молчание. А потом Мила заговорила:

– Ты просто не знаешь. Я потеряла карточки. Все.

Вера вытаращила шокировано глаза. Потерять в это сложное время карточки, только по которым и можно было получить предназначавшуюся еду, значило убить всю свою семью. И только она хотела произнести сочувствующие слова, как Мила не дала ей пожалеть себя жестокими словами:

– И я не жалею о совершённом поступке! Это закон выживаемости. Главное – выжить. Думаешь, родителям с братом я дала хоть один? Все съела! Все! Ты слышишь? Все! Родных не пожалела! И ты надеялась, что я тебя пожалею? Да ты мне никто! И поверь мне, не одна я так думаю. Не единственная в этом жестоком, голодающем мире. Все остальные лишь притворяются чистенькими.

Вера поверить не могла, что только что, не смотря на недостойный поступок подруги, хотела выразить соболезнова-

ния. Теперь она представила, как посмеялась бы над ней Мила, успе́й она произнести слова сожаления и вышла из себя.

– Ты – тварь, – только и ответила на это Вера.

Слова эти вырвались непроизвольно и тогда она ещё не знала, что в последствии эти два слова волеются в одно и она так и будет называть про себя (ибо в слух и вовсе откажется поминать эту моральную дистрофичку) – Татварь. Сейчас же она просто сказала:

– Я никогда не знала тебя по настоящему. Ты самое мерзкое, что я только видела. Ты хуже таракана. Ты хуже людоеда. Умри твои родители, ты не будешь сомневаться даже. Будешь есть их трупы. И тебя не трогает, если умру я по твоей вине. Ты и меня съешь. Мама даже не сможет меня защитить. Просто не хватит сил. Тоже по твоей милости. И вот, что я тебе скажу – ещё Чехов сказал как-то – «Лучше быть жертвой, чем палачом»! Но такой тупой красотке, как ты, откуда это знать?

Мила, которая и до этого проявляла себя не самым достойным образом, вовсе осатанела.

– А ты жирная, завистливая корова! – взвилась Мила. – Ничего с тобой не случится. У тебя запасы не в виде сухарей в шкафу, а в твоих жирных складках. И да – я съем тебя. Ибо ты – просто ходячее мясо. Я и сейчас бы съела тебя. Сырой. Ты даже не представляешь, как я голодна!

Вера спокойно встала, сохраняя невесть откуда взявшееся достоинство.

– Полагаю, в таком случае, следуя закону выживаемости, мне следует уйти. Но знай – тебе ещё аукнется.

Однако, всё-таки, последнее слово осталось за Милой, которая крикнула беспощадно в спину своей бывшей подруги:

– Только в твоих идиотских мечтах! Я единственная из всех выживу!

Вера не решилась идти домой сразу. Вот так. С пустыми руками. Она не стала опускаться до того, что бы спросить, не остались ли ещё сухари. Вера была голодна, но это чувство ещё не довело до этого.

Шла девушка очень медленно. И чем ближе был дом, тем более медленными были шаги, пока, наконец, Вера не остановилась совсем. Ей пришла одна мысль в голову. Оно прекрасно знала, кто именно из знакомых был эвакуирован. И знала, конечно, адреса. И она пошла по этим адресам.

Перед тем, как проникнуть внутрь, проверяла, не поселили ли кого. А то иногда случалось, что выживших во время бомбёжек селили в дома эвакуированных. Надо же было куда-то людей девать. Ведь их собственные дома были разрушены.

Вера тщательно обыскивала каждый уголок. Отодвигала ту мебель, что было возможно отодвинуть. Заглядывала под кровати и диваны. Отодвигала книги, если таковые имелись в домашних библиотеках. И, разумеется, в первую очередь заглядывала в кухонные шкафчики и холодильники. К счастью, препятствий к этому не было. Даже если кто-то и за-

крыл за собой дверь, то такие были взломаны ещё до прихода Веры. Другими мародёрами. Самой же Вере почти ничего не удалось найти. Лишь только несколько картофельных очистков были ей наградой (настоящее сокровище! она даже рецепт с ними знала – нужно бросить в кипящее масло, минут через пять достать, обсушить, посолить и можно есть, да только где ж теперь столько масла взять), да обёртка от маргарина. Конечно, от самого продукта на ней не осталось ни грамма. Но зато бумага пахла.

По варварски (раньше бы она никогда не позволила себе такого), вырвала она из книги с описанием очередного съезда КПСС (специально выбрала самую безынтесную книгу) несколько листов и, завернув найденное, спрятала за паху, у груди. И осторожно, украдкой оглядываясь, словно корону в алмазах, потащила скорей-скорей всё это домой, по дороге в уме перебирая разные варианты, что бы запрятать сокровище понадёжнее. Что бы всякие Людки и Татвари не смогли больше отнять.

Всё это время она думала о собственной деградации. Голод и не на такое толкает, как она имела несчастье убедиться. Даже вспомнила об одном довоенном случае забавном, о котором ей рассказали.

Сестре её однокласснице, по имени Танюшка, привёз с востока друг отца невиданную птицу. Попугая. Та мгновенно привязалась к питомцу. Назвала его Гошей и всё пыталась научить говорить «Гоша – хороший». Уже самой девчужке

во сне снилась без конца эта фраза, так часто произносила её, что бы обучить попугая, но тот хранил молчание. Однажды он вылетел из клетки и залетел в шкаф. Таня не стала его уговаривать обратно влететь в домик. Тем более, приехала тётя и предложила поехать всей семьёй на дачу на два дня. Танечка очень любила тётину дачу и, забыв про закрытого в шкафу попугая, уехала с родными. Уже там, почти ночью, девочка вспомнила о птице и очень рыдала, боясь, что Гоша умрёт от голода и жажды. Бедняжка так убивалась, что семья на ночь глядя вернулась в Ленинград. Попугай был, к счастью, жив, но стоило Тане открыть дверцу шкафа, как птиц сразу выдал:

– Гоша – хоррроший!

Вот что голод делает. Даже попугая молчаливого заставил говорить.

Правду молвить, пример влияния голода не сильно подходящий к данному случаю. Всё-таки Гоша, можно сказать, эволюционировал из-за голода, а с Верой произошло обратный процесс.

Впрочем, когда она ворвалась, запыхавшись, домой, у неё было такое торжествующее лицо, так сияли глаза, что мать сначала даже решила – та ограбила целый грузовик с булочками. Но когда увидела, с чем пришла дочь, не расстроилась. Только разумно заметила:

– Картофельные очистки припрячем. А бумагу давай сейчас съедим. Пока пахнет. Выветрится ведь.

– Да, ты права, – кивнула та и разорвала пополам добычу.

Как съедалась эта обёртка, надо было видеть. Отрывалась по невероятно маленькому кусочку, что бы процесс можно было растянуть на подольше. Ведь, как известно, чем дольше жуёшь, тем реальнее становится ложное ощущение сытости. Поэтому каждый кусочек прожёвывался по тридцать три раза. Обе они сидели и сосредоточенно жевали, считая про себя. Безусловно, хотелось эту бумагу полностью запихать в рот и проглотить в мгновение ока. Но если хочешь жить, как бы не было трудно, надо держать себя в руках и держаться. В конце концов, что бы в конце этого ада на земле не было стыдно за себя. Что бы не стыдно было потомкам.

Глава 5

Бомбоубежище

Бомбардировки. Чем их больше было, тем стали привычнее. Вера с мамой даже не всегда бежали в бомбоубежище – появлялась периодически такая апатия, что было всё-равно.

А однажды Елена Константиновна совершила вовсе что-то непонятное. Прозвучала по громкоговорителям, коих в городе было установлено, пожалуй, полторы тысячи, не меньше, сирена, обозначающая, что надо бежать скорее прятаться. В тумбочке, что была рядом с кроватью, где Елена Константиновна постоянно сидела, хранился запас пищи, который удавалось добыть по карточке. Лежал не делённый на Верин и её мамы. Делёж происходил непосредственно перед приёмом пищи. Но тот случай изменил эту привычку.

Как только Елена Константиновна услышала звук сирены, она тут же схватила весь хлеб, лежавший до поры до времени, одним движением. Таким быстрым, что Вера даже не успела ойкнуть. А женщина закинула его в рот и стала быстро-быстро жевать.

– Мама, что ты творишь?! – побелела ещё больше и так бледная от недоедания Вера.

Елена Константиновна, поняв, что своим поступком, а, вернее, проступком, лишила собственную дочь еды, зали-

лась слезами.

– Ах, прости меня, деточка! – проговорила она, – сама не знаю, что на меня нашло. Вдруг подумалось – вот сейчас погибнем мы с тобой, а хлеб-то несъеденным остался.

В этот момент Вера почувствовала, что, если тщательно взвесить каждое мгновение, каждую секунду, каждую минуту, каждый час её жизни, то не найдётся момента, когда она была более несчастна, чем прямо сейчас. Но расстраиваться было некогда и некогда было выслушивать оправдания. Она схватила мать за руку и потащила её на улицу, в бомбоубежище. И, словно мало было того, что она лишилась своей пайки хлеба, в этом бомбоубежище пришлось жить целую неделю.

Уже потом, много позже, Вера услышала стихотворение Ольги Берггольц

И хотя уже не была влюблена в Славу, которого когда-то прозвала Истым Славянином, вспомнила о тех днях и каждым биением сердца прочувствовала вновь те ощущения и подумала – я никогда их не забуду.

А неделя, которую она с мамой прожила в убежище, была сложная. Подвал был заполнен целой толпой народа и все чуть было не свихнулись от такого плотного скопления. Тем более, что набитые битком люди сидели на полу и там же спали. Конечно, были койки, стулья и даже стол, что бы дети могли делать уроки. Но людей было очень много, особенно поначалу, когда населением ещё не овладела апатия и им

было не всё-равно, умрут они или нет. Игнорировать бомбоубежища стали уже после. А пока теснота была большая и всегда были те, кто оказывались на полу. Особенно если пришли в укрытие из числа последних. И это очень давило на психику. Шум был невероятный. Так, что даже грохочущее и гремящее нечто, раздевающееся снаружи (Вера даже думать не хотела, что именно), порой не было слышно, хотя, конечно, полностью не перекрывало.

Сложно было даже хоть чуть-чуть прогуляться, что бы развеяться. Поэтому неудивительно, что разговоры тоже стали странными. Дошло даже до того, что стали обсуждать то, о чём не смели раньше говорить. О партийном деятеле Андрее Жданове. Говаривали, что у него есть личный, оснащённый по последнему слову бункер где-то под Смольным. Чего там только не было. И отопление, и канализация, и генераторы. Якобы, этот тайник величиной в семиэтажное здание. Говорили даже, что если бы сбросили бомбу аж в одну тонну, то ничего не случилось бы ни с бункером, ни с теми, кто там находится. А ещё рассказывали, что Жданов и клубнику со взбитыми сливками в этом бункере ест, и бутерброд с чёрной икрой.

Во время таких разговоров обязательно с кем-то случалась истерика, все начинали успокаивать голодающего и каждый при этом давал самому себе клятву, что не будет вслух больше в этих стеснённых обстоятельствах говорить о еде и другим рот заткнёт, если понадобится. Но проходи-

ло время и кто-то вновь заговаривал о том, как, вероятно, ест правительство.

Порой ещё обсуждали, что кого раздражает. Просто хотелось по человечески выплеснуть куда-то накопившиеся мысли, что бы полегчало на душе. В один из таких разговоров Веру удивил в качестве раздражающего фактора метроном. Это что-то вроде тиканья, которое раздавалось перед налётом фашистов и по его завершению. Быстрый ритм означал воздушную тревогу. Медленный – её прекращение.

Самой Вере метроном, транслируемый через громкоговорители, нравился. Даже как-то успокаивал. Порой доходило до того, что она мечтала, что бы по окончании войны стали продавать пластинки с метрономом. Тогда бы она их ставила в те минуты, когда надо успокоиться и прийти в себя. Но, оказывается, кого-то он раздражал.

Она вообще в те дни думала очень много. Посещала мысль – в чём-то даже хорошо, что мама уничтожила весь запас. Тот случай многому научил их обеих. Теперь добытая пища полностью перешла под контроль Веры и та каждое утро выдавала порцию в 125 грамм матери и столько же оставляла себе. У каждой из них были свои предпочтения поедания еды и другую не неволил.

Вера делила причитающееся ей на 3 приёма пищи и, обманывая организм, очень медленно, крошка за крошкой, тщательно пережёвывая, растягивая порой это на целый час, в то время, как раньше умяла бы за тридцать секунд подобный

объём и, тем самым обманывала организм.

Елена Константиновна пыталась следовать примеру дочери. Но сила воли у неё была слабее. В этой ситуации казалось, что их социальные роли поменялись и взрослая велела себя, как маленькая, а школьница, как зрелый, умудрённый опытом человек. Поэтому женщина порой умудрялась взять себя в руки и следовать намеченного режима, но чаще поддавалась сиюминутным слабостям и проглатывала пайку в один присест сразу после утренней делёжки.

Но этот раз был последним, когда мама с дочкой прятались в бомбоубежище. Перемена эта в их далеко не размерной жизни произошла после одного сна.

Вера бродила по совершенно пустынным улица города. Даже в эти ужасные дни с ограниченным продовольствием, без дров для отопления и света по Ленинграду, не смотря на то, что многие предпочитали отлёживаться дома, экономя тем самым силы, всегда кто-то ходил по улицам. Или шли куда-то или откуда-то. Или стояли в очереди за пайком. В самом худшем случае хотя бы умершими лежали на улицах, ожидая, пока их подберут специальные люди и увезут на Пискаревское шоссе, где в братских могилах захоранивали.

Но в этом сне не было абсолютно никого. Никто не стоял, не шёл, не сидел и не лежал. Стояли только здания, да памятники. И всё. Да и сама Вера словно не находилась снаружи, а просто видела картинку из дома. Именно так, навер-

ное, видели город птицы, пока они ещё были. Словно вид сверху. А ещё, наверное, именно так видят город дурацкие фашисты во время своих идиотских бомбёжек.

Во сне, к слову, не было и самолётов. Стояла совершенно ужасающая тишина. Вера никогда в жизни не находилась в такой тишине. Даже в самое смирное время суток, когда большая часть населения спала, всё-равно порой хоть какие-то звуки издавались. А тут абсолютная, как Вселенная, тишина. И, вспомнив о Вселенной, Вера задумалась – а есть ли там хоть какие-то звуки? Вот когда чёрная дыра поглощает звёзды или рождаются сверхновые... Это происходит в тишине или сопровождается какими-то звуками? И если да, то какими? Это похоже на колокольный звон? Быть может, на какую-нибудь прекрасную классическую музыку вроде Моцарта или Баха? Или это что-то неприятное, будто ногтями по школьной доске проводят?

Но додумать эту мысль Вера не успела. Раздался ужасающий грохот. Девушка очень удивилась, так как первая мысль была о бомбёжке, но никаких самолётов не было. И тут она увидела ужасное и жуткое. Ровнёхонько середина длинного дома, под влиянием некой могущественной силы, внезапно словно провалилась. Повалились один за другим все-все этажи и упали на землю. И, самое поразительное, что это коснулось лишь середины дома. А по краям всё осталось целым.

Вера так ужаснулась, что проснулась.

А вечером того же дня внезапно зазвучала сирена, преду-

преждающая о том, что началась бомбардировка. Мама спохватилась и, схватив дочь за руку, поспешно устремилась было прятаться скорее в бомбоубежище, как Вера вспомнила свой сон. Так же вспомнила и то, как в день, когда замкнулось кольцо вокруг города, у неё вся еда во время завтрака падала на пол и как они голодают теперь. Вспомнила другое своё сновидение, которые увидела накануне гибели отца. Никиты Сергеевича Снежного. И она – как многие другие пионерки, как многие другие советские граждане, будучи атеисткой, считающая все приметы пережитком неграмотных людей и не причисляющая себя к неграмотным людям, внезапно решила прислушаться ко сну и... не пойти в бомбоубежище.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.